

*Рассмотрены основные вехи биографии видного представителя партии социалистов-революционеров, профессионального юриста, общественного деятеля и публициста М. В. Вишняка (1883 – 1976). Раскрыта суть его воззрений на проблему личности в праве. Проанализированы главные этапы его политического пути – от позиции одного из самых молодых активистов партии социалистов-революционеров до негласного статуса старейшины социалистического сообщества русского зарубежья. Показано отношение Вишняка к вопросам соотношения свободы, демократии и социализма. Представлена характеристика, данная Вишняком советскому государству и его правовой системе. Выявлена роль Вишняка как последовательного пропагандиста-демократа, чьи взгляды органично вписались в тенденции западной политической культуры второй половины XX века. Сделан вывод о том, что Вишняк выступил, по сути, не только посредником между представителями русской и зарубежной демократической среды, но и стал, благодаря оставленному им публицистическому и мемуарному наследию, связующим звеном между свидетелями и участниками ключевых событий российской истории первой четверти XX века и современными исследователями революционной эпохи.*

*Ключевые слова:* М. В. Вишняк; личность; право; социалисты-революционеры; эмиграция.

**Ольга Львовна Протасова**, канд. ист. наук, доцент,  
кафедра «Теория и история государства и права»,  
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,  
Тамбов, Россия;  
olia.protasowa2011@yandex.ru

**Эльмира Витальевна Бикбаева**, старший преподаватель,  
кафедра «Теория и история государства и права»,  
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,  
Тамбов, Россия;  
kafedrapr@mail.ru

## **М. В. ВИШНЯК – ЮРИСТ И ПОЛИТИК**

### **Введение**

*Актуальность* темы исследования обусловлена необходимостью расширить диапазон знаний о ярких общественных и политических деятелях России революционной эпохи, не относившихся к лидерам «первого эшелона», но внесших большой вклад в дело как политической практики, так и развития научной и философской мысли. Предложенные некоторыми из них модели демократизации политико-правовой системы государства выглядят вполне современно и сегодня, поскольку ориентируют на воплощение в жизнь гуманистических ценностей, имеющих непреходящий характер. Герой данной работы, М. В. Вишняк, – один из активнейших участников главных политических событий периода Великой Российской револю-

ции, и до конца своей долгой жизни непримиримый противник большевизма и тоталитаризма, борец за свободу и демократию. Его мемуары, написанные в годы эмиграции, служат для историков ценнейшим источником информации как фактологического, так и социально-психологического характера. При этом исследований, специально посвященных Вишняку, единицы, и стали появляться они совсем недавно.

*Цель работы* – воспроизвести политико-биографические этапы жизни М. В. Вишняка, показать его научно-профессиональные взгляды, дать оценку этой фигуры как видного представителя российского, а затем и международного демократического социализма.

*Новизна* исследования состоит в том, что вышеперечисленные стороны деятельности М. В. Вишняка впервые рассматриваются в комплексе.

*Методы* исследования: биографический, исторической персонификации, анализ, синтез.

### **Обсуждение и результаты**

На рубеже XIX – XX веков в политическую жизнь России вступало поколение, которому довелось участвовать в самых эпохальных событиях новейшей истории страны – революций и слома старой государственной системы, при этом стараясь претворить на практике собственные представления о том, по какому пути должно пойти российское государство. Люди, рожденные в 1870 – 1890-х гг., стали свидетелями поворота от демократических начинаний Февраля к большевистскому тоталитаризму. Многие из них, уже в эмиграции, составили идейную оппозицию советской системе, став ее критиками и разоблачителями антигуманных, неправовых актов, совершаемых властью против народа.

Ярким представителем этого поколения был Марк Вениаминович Вишняк (1883 – 1976). В советской историографии его имя встречалось не часто, хотя его роль в крупнейшей партии начала XX века – партии социалистов-революционеров (ПСР) – была весьма заметной.

Вишняк М. В. родился в Москве, в зажиточной купеческой еврейской семье. Материальное благополучие семьи сослужило добрую службу Марку на ранних этапах его биографии: он имел возможность жить во второй столице империи, обучаться в классической гимназии; кроме того, он практически не испытывал неудобств от своей национальной принадлежности, не знал гонений и погромов, с которыми часто сталкивались евреи, вынужденные проживать в черте оседлости. Семья Вишняка считалась ортодоксальной, в ней соблюдались основные иудейские традиции, однако не в меньшей степени, чем еврейская, на процесс социализации молодого человека оказывала влияние и русская культурная среда. Окончив в 1901 г. с серебряной медалью гимназию, Марк поступил на юридический факультет Московского университета, а в 1902 г. отправился изучать медицину в вузах Германии, где на рубеже XIX – XX вв. собралась большая колония студентов из России. Германия в то время считалась главным форпостом социализма: главные теоретики, популяризаторы и интерпретаторы социалистической мысли – К. Маркс, Ф. Энгельс, К. Каутский, Э. Бернштейн, В. Либкнехт и др. – были немцами. Вишняк

учился в Берлине и Фрайбурге, затем, вернувшись на родину, в 1908 г. (с перерывом на период ссылки) завершил свое юридическое образование в Москве [12, с. 69]. Знакомство с европейской политико-культурной средой сделало Вишняка если не космополитом, то человеком, свободно ориентирующимся в обычаях разных этнокультурных сообществ, расширило его кругозор, дало возможность сравнить оттенки модных на тот момент идеологических течений. В Германии Вишняк приобщился к кругу революционно настроенной молодежи, подружился с будущими видными деятелями правого эсерства – Н. Д. Авксентьевым, В. М. Зензиновым, И. И. Фондаминским, А. Р. Гоцем и др. Именно эти дружеские связи определили его политическую ориентацию, точнее – будущую партийную принадлежность. В начале 1900-х гг. Вишняк решил вступить в ряды партии социалистов-революционеров. «Официальное» присоединение его к партии произошло после событий «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. [17, с. 18].

Выбор этот дался молодому юристу не слишком просто. В партии социалистов-революционеров его устраивало не все, особенно в части тактики. Программа ПСР в основном отвечала его собственным представлениям о путях социального переустройства России, о той форме государства, созданием которой должна завершиться в стране общественно-политическая борьба. «Объект» народнической заботы – трудовой народ в триединстве крестьян, рабочих и интеллигенции – он полагал правильным, разделяя общенародническое мнение о несправедливости ранжирования тружеников по степени революционной перспективности. Согласен молодой правовед был и с тем, что одна из первостепенных задач эпохи – воспитание в «трудовом народе» осознания внутренней свободы и человеческого достоинства вместе с интересом к политическим и общественным, а не только собственным сугубо хозяйственным делам; без развития гражданственности в народных массах путь к социализму закрыт. Однако «крайние», террористические методы, с азартом практиковавшиеся эсерами и на заре XX столетия пользовавшиеся особым почтением в молодежной среде, отнюдь не вдохновляли его. Вишняк искренне считал себя противником революции, поэтому с первых дней своего участия в партии оговорил себе неучастие в политических акциях «на грани фола». Также он наотрез отказался участвовать в ««братоубийственной» борьбе эздеков с эсэрами и обратно» [2, с. 100], то есть в полемических баталиях народников и марксистов, принимавших подчас очень резкие формы. Таким образом, в ПСР, разнородной в социально-демографическом отношении и отнюдь не единой идеологически, Вишняк занимал умеренную позицию (представлял правое партийное крыло). Эта позиция выявилась не сразу, поскольку как организация ПСР была чрезвычайно пестрой, если не сказать аморфной, и для выделения в ней ярко выраженных блоков потребовалось время. Вишняк утверждал, что твердое избрание им политической линии произошло довольно поздно – в 22 года, но именно эта взрослая осознанность, пришедшая после внутренней борьбы и сомнений, застраховала его в дальнейшем от фракционных и межпартийных метаний, заигрывания с контрреволюцией и потом с большевиками [2, с. 97] и пр.

Активная политическая позиция Вишняка (по его собственному признанию, он всегда был чужд изоляционизма в общественной жизни

[2, с. 91]) нашла свое выражение уже вскоре по возвращении из-за границы в Россию. В декабре 1904 г. он впервые попал под стражу – по его собственному уверению, по ошибке, когда он случайно оказался вблизи одного из эсеровских митингов. Под арестом начинающий правовед впервые на собственном опыте узнал, какое громадное физическое и моральное лишение, какое оскорбление достоинства причиняет человеку отсутствие свободы, превращая его в объект чужой воли [2, с. 94].

С началом революционных событий 1905 г., включившись в широкую коммуникационную кампанию, развернутую революционными народниками, Вишняк вел агитацию среди рабочих. В партийной верхушке он заявил о себе на первом съезде ПСР, проходившем 25 декабря 1905 – 2 января 1906 г. в Финляндии. На учредительном форуме он выступал под псевдонимом Поморцев [15, с. 664] и в ходе заседания 31 января 1905 г. задал ряд острых программных вопросов делегации от журнала «Русское богатство», вскоре ушедшей со съезда и затем основавшей партию народных социалистов.

В январе 1906 г. после очередного ареста Вишняк был выслан на четыре года в Нарымский край, откуда спустя недолгое время бежал; в феврале 1907 г. последовал новый арест и в августе – выход из заключения под денежный залог. В конце 1908 г. Вишняк тайно выехал за границу. По возвращении в Россию, в мае 1910 г., он был вновь арестован и вновь выслан на те же четыре года в тот же Нарымский край, однако по болезни был освобожден досрочно. С 1912 г. вольноопределяющийся, с 1914 г. Вишняк служил во Всероссийском союзе городов и выпускал вместе с В. М. Зензиновым «Народную газету». Во время Первой мировой войны он занимал ярко выраженную оборонческую позицию. Отношение к войне разделило всю демократическую среду России, и ПСР не была исключением. Так, оборонческое крыло традиционно относят к правому эсерству, в то время как интернационалисты (к их числу принадлежал В. М. Чернов) представляли центр и левый сектор партии. Несходство позиций отразилось и на личных отношениях между Черновым и Вишняком. Первый, желая ущемить своего оппонента, саркастически называл его «кандидатом в лидеры». Вишняк соглашался, что никогда не играл руководящих ролей ни в партии, ни в революции, однако такие выпады со стороны главного эсеровского идеолога выглядели откровенно недружественно. Известно, что разногласия по поводу войны сыграли в конечном итоге роковую, деструктивную роль в дальнейшей судьбе ПСР, став основным фактором ее раскола в 1917 г.

Итак, условно ограничив свое участие в радикальных политических акциях и актах, Вишняк отнюдь не отстранялся от повседневной партийной работы, втягиваясь в дела ПСР все больше, и к тому же предоставил в распоряжение партии свои профессиональные юридические знания [2, с. 255]. С 1907 г. он служил помощником присяжного поверенного (адвоката) и считался одним из ведущих специалистов ПСР в области публичного права. В своих работах Вишняк особое внимание уделял вопросам взаимоотношению личности и государства, рассуждая не с философской, как большинство политиков-народников, а именно с правовой точки зрения.

По мнению правоведа, социалистической мыслью вопросы права либо игнорировались, либо «искусно» обходились [14, с. 3]. Это отношение, на его взгляд, составляло существенный недостаток в общем-то сильной, логичной и успешной идеологии. Оно затрудняло понимание перспектив государства как социального и политического института, и вместе с тем неизбежно делало неопределенным правовой статус каждого члена социума. При социализме, согласно «классическому» марксизму, государство еще должно существовать, исполняя миссию диктатуры пролетариата, прежде чем оно отомрет с приходом коммунизма. Однако подавляющее большинство социалистических партий Европы (и социалисты-народники России) считало именно социализм конечной стадией развития человеческого общества, к которой и следует стремиться, с необходимыми атрибутами прогрессивного строя – демократией и свободой; о диктатуре же применительно к социализму речь вообще идти не могла... Между тем, с точки зрения Вишняка, именно марксистская идеология повлияла на массовое восприятие диктатуры (конечно, не всеми поголовно, но очень многими, в том числе даже представителями интеллигенции) как явления прогрессивного, «красного», а не «темного» реакционного. Правовед был согласен с авторами, которые констатировали тенденцию сползания к диктатуре и личному режиму узурпатора любой из политических форм, включая демократию. Для него оставался открытым вопрос о средствах, которые гарантированно могли бы защитить молодые демократии от превращения в охлократию, а власть немногих выходцев из революционных элит – от трансформации к единодержавию. Размышления об этом Вишняк вел на протяжении долгих лет, имея уже в качестве примера судьбу Российского государства.

Таким образом, попытки марксистов гармонизировать «идею диктатуры (пролетариата)» с «идеями демократии» для Вишняка были изначально утопичны: он считал идеи диктатуры (какой бы то ни было) и демократии несоединимыми, так как, по его убеждению, диктатура в любом случае «разграбит» демократию, уничтожит ее [7, с. 370–371]. В собственной модели государства будущего эсеровский юрист отводил ключевую позицию праву в единстве его теории и политики. Основным догматом политики права, по его утверждению, должно стать равенство прав и обязанностей, исходящее из признания равноценности человеческих личностей [14, с. 25–26]. Задачей настоящего (данные мысли содержатся в работе, написанной в 1907 г.) он полагал выработку целостной социалистической политики права, с помощью которой старое обычно народное право могло бы возродиться к новой жизни, «полной силы и творческого огня» [7, с. 34–35]. События 1905 – 1907 гг. доказали скептикам, что революция в России возможна, следовательно, возможен и социальный прогресс – с самобытными чертами, открывающими простор самым разнообразным возможностям. Вишняк подчеркивал, что реализация прогрессивного потенциала русского общества возможна лишь при условии закрепленных главных правовых норм. Они должны охватывать все основные виды человеческого общежития: возможность доступа к земле (земельный вопрос, как известно, был испокон веков острейшим в России), защиту от «всяких непредвиденных и непредвиденных сил природы и общественных неуст-

ройств» [7, с. 58], пользование культурными благами и т.д. Все эти формы, по Вишняку, как необходимую гарантию своего существования предполагают «самоуправление и самоограничение» и децентрализацию всех органов власти [7, с. 59]. Ключевым же условием «работы» такого правового устройства Вишняк, как и все неонародники, называл твердое осознание каждой личностью своего человеческого достоинства и своих субъективных публичных прав. Умение и желание человека бороться не только за собственные права, но и за права других Вишняк видел высшей ступенью гражданской солидарности.

Вишняк отнюдь не ограничивался философией права и публицистикой и был задействован практически во всех знаковых мероприятиях 1917 г., к которым были причастны эсеры. Февральскую революцию он, как и вся демократическая Россия, встретил с восторгом. Революционные изменения могли привести к оформлению в России той формы государственного устройства, которую Вишняк считал оптимальной – парламентской республики [12, с. 70]. Весной и летом 1917 г. Вишняк активно совмещал политику с правотворчеством: организовывал Московский комитет ПСР, редактировал газету «Труд», входил в Особое совещание для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание, работая в комиссиях об активном и пассивном избирательном праве, о выборах на окраинах, о системах избирательного права и избирательных списках [12, с. 69]. В августе 1917 г. он заседал в Государственном совещании, в сентябре – во Всероссийском Демократическом совещании, затем был секретарем Предпарламента. Выборная кампания во Всероссийское Учредительное собрание оказалась для М. В. Вишняка успешной: он победил по Ярославскому и Тверскому избирательным округам [12, с. 70] и вошел в государственно-правовую комиссию фракции ПСР. 5 января 1918 г. он был секретарем первого и единственного заседания всенародно избранного форума, проходившего под председательством его соратника по партии В. М. Чернова. Воспоминания Вишняка об этом заседании [10] чрезвычайно эмоциональны, если не сказать – художественны, и представляют собой ценный исторический источник, без привлечения которого не обходится, пожалуй, ни один из современных научных трудов, посвященных указанному событию. Можно сказать, что именно Вишняк стал первым историком Учредительного собрания. Обращает на себя внимание критика Вишняком поведения и выступления В. М. Чернова. Эсеровский идеолог, по мнению Вишняка, в силу доставшегося ему значительного поста спикера, а также с учетом многочисленности и влияния возглавляемой им фракции, мог бы сделать многое для того, чтобы определить политическую доминанту заседания и направлять его ход: в частности, проявить (и показать такой пример единомышленникам) гражданское мужество в противостоянии большевикам и левым эсерам, твердость и принципиальность в отстаивании собственных позиций. Однако этого не произошло, и речь Чернова в единственном заседании Собрания была «типичное не то». Она, по словам согласного с Вишняком А. Ф. Керенского, «вызвала неудовлетворенность у руководителей фракции и простодушное непонимание этой неудовлетворенности со стороны самого оратора» [13, с. 70].

В годы Гражданской войны, пока к идее созыва нового Учредительного Собрания еще не остыла оппозиционная Советам общественность, Вишняк посвятил немало публицистических страниц анализу этого первого опыта российского народовластия. Два плюса, которые, по мнению Вишняка, можно было бы извлечь из разгона Собрания – это, во-первых, закрепление расстановки общественных сил вкупе с прояснением общей политической реальности (стало окончательно ясно, кто «свой», демократ, а кто сочувствует узурпаторам), а во-вторых, хоть и опосредованно, – сплочение эсеровских рядов, так как теперь все, кроме левых, дружно осознали: большевизм следует расценивать не иначе как контрреволюцию, отвергнувшую и перечеркнувшую все достижения Февраля [3].

К рассуждениям о судьбе Февральской революции, ее начинаний и возможностей Вишняк регулярно возвращался на протяжении всех последующих лет своей жизни. Отмечая, что по части поставленных перед революцией задач она не отличалась от других революций, он заострял внимание на времени и обстоятельствах, приведших к слому государственной системы именно в начале 1917 г. По его мнению, революция пришла не вовремя: для разрешения вопроса об упразднении самодержавно-сословного строя – слишком поздно, для решения многочисленных прочих проблем страны, к тому же ведущей войну – слишком рано. Громадным дефектом политики коалиционных правительств он называл «непредрешенчество» – отсрочку решений по острейшим вопросам текущего момента. Вишняк предполагал, что Февраль, возможно, удался бы, пойдя он по пути Брест-Литовска, то есть заключения сепаратного мира. Но этот путь и политически, и морально был невозможен для российских демократов. Их нерешительность и рефлексия шли на пользу большевикам. В результате «Октябрь пожрал и войну, и революцию» [2, с. 386].

К взятию власти большевиками Вишняк отнесся крайне негативно: «Октябрь сразу, полностью и навсегда сделал меня своим непримиримым врагом» [2, с. 404], – заявлял он. Признавая в октябрьских событиях немалую роль стихии, Вишняк считал, что решающим все же был план, умысел, заговор, подготовленный и проведенный [2, с. 387] партией авангардного типа. Юрист-эсер категорически не признал легитимности Совета народных комиссаров. Летом 1918 г. вместе с И. И. Фондаминским (Бунаковым), своим старым товарищем и другом, Вишняк намеревался перейти фронт в Поволжье, но попытка оказалась неудачной. В сентябре он хотел перебраться на Восточный фронт через Западную Европу. С фальшивыми документами Вишняк с женой уехали в Киев. Далее следовал год мытарств: служба в украинских бюро Земского и Городского союзов, арест по распоряжению министра внутренних дел при гетмане Скоропадском, бывшего профессора И. А. Кистяковского, шестинедельное заключение и, наконец, через Одессу и Севастополь, Пирей и Марсель в апреле 1919 г. – прибытие в Париж. Там Вишняк и обосновался, сразу включившись в ряд эмигрантских политических объединений: с 1920 г. был секретарем Русского общества защиты Лиги Наций, в 1921 г. участвовал в Частном совещании членов Всероссийского Учредительного собрания и т.п. [12, с. 70]. Вишняк читал публичные лекции правового содержания в разных евро-

пейских городах и несколько лет руководил семинаром по русскому государственному праву во французской столице.

Своей последовательно антибольшевистской позиции Вишняк держался и в зарубежье. «Большевизм стихийно враждебен всем, кто дорожит принципом личности, достоинством человека и его первейшим правом – правом на жизнь» [4, с. 231], – уверял он. Одна из первых публицистических работ эсеровского аналитика, выпущенных в эмиграции – цикл очерков «Черный год» [11]. Вишняк с горечью предполагает: если большевизму суждена «естественная смерть», она вряд ли наступит раньше, чем «изживет до конца всю Россию» [11, с. 17], уничтожит ее богатство, культуру и народ. Возражая А. В. Пешехонову, который в 1923 г. заявил, что признает за большевиками заслугу в воссоздании русской государственности, Вишняк доказывал, что Советская Россия не может считаться полноценным государством «в современном, правовом и просто нормальном понимании этого слова» [5, с. 440]. Большевистская государственность, по словам эсеровского правоведа, подобна сторожевому псу, охраняющему цепи подвластных. В ней отсутствуют атрибуты нормального современного государства: политическая оппозиция, верховенство закона, независимость суда, права человека и гражданина [5, с. 442]. Диктатура, указывал Вишняк, никогда не исходит из правовой нормы, ни существующей, ни планируемой в будущем. Только демократия, отрицая диктатуру во всех ее видах, «утверждает себя в праве, на всеобщем признании права и на всеобщем представлении права» [7, с. 379–380]. «Под условным расстрелом» живет вся Россия при Советах; смерть подстерегает теперь не только явных противников режима, она вошла в домашний обиход каждого человека. По словам Вишняка, большевизм скомпрометировал не только себя, но и социализм вообще, как и революцию, рабочий класс, демократию, саму Россию [11]. В отличие от А. В. Пешехонова, для которого тоска по родине оказалась сильнее неприятия советского режима и который во что бы то ни стало хотел получить гражданство СССР и вернуться туда, Вишняк не рассматривал вопрос о возвращении домой при большевиках – он не идентифицировал прежнюю Россию с советской властью. Объективно Вишняк был среди тех, кто признал: Пешехонов капитулировал перед большевиками. При этом в позиции Вишняка не было обвинительного пафоса, желания уязвить бывшего товарища по народническому лагерю. Правовед искренне недоумевал, как Пешехонов, умный и опытный человек, демократ по натуре, не видит очевидного: при Советах любого бывшего оппозиционера ждет тюрьма либо смерть.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. Вишняк предрекал скорый крах большевизма, однако, по мере все большей географической и временной удаленности от России, его критика советского режима, утрачивая излишнюю эмоциональность, становилась все более беспристрастной и взвешенной. При этом он осознавал, что отсутствие «жизненной пестроты», «свежих красок», то есть собственных, непосредственных наблюдений за происходящим на родине лишают писателей-эмигрантов большой доли правдоподобности их оценок, основанных на наблюдениях «издалека». Но этот недостаток отнюдь не мешал Вишняку и его единомышленникам видеть, что диктатура в СССР в реальности – не диктатура рабочих

и крестьян, а всевластие руководящего аппарата ВКП(б), подменившего собой органы государственного управления.

Советский строй Вишняк социалистическим не считал. Вслед за В. М. Черновым он называл нэп «государственным капитализмом» и оценивал его как нечто фальшивое, «двурушническое», что, на его взгляд, гораздо хуже явного капитализма, откровенно хищнического, но не вводящего никого в заблуждение возвышенными словами о социальной справедливости [6, с. 502]. Главным обстоятельством, лишившим новую экономическую политику возможности успешного «выпрямления» советской экономики, было, на взгляд Вишняка, полное отсутствие ее правового обеспечения. Экономические уступки рыночному хозяйству не могли дать устойчивого, необратимого эффекта, не будучи подкрепленными правовыми гарантиями, а их в неправовом государстве большевиков никто не мог, да и не собирался давать. Правовому фактору в проведении нэповской реформы Вишняк придавал значения даже больше, чем собственно экономическому, считая, что право собственности – условие, без которого социальные и экономико-хозяйственные отношения обречены, а гарантии права еще важнее, чем факт признания права собственности [5, с. 437–438]. Без гарантий права любые реформы заведомо обречены: они зависят от политической ориентации и даже от сиюминутных настроений, охватывающих власть предержащих. Излишне говорить, что это пессимистическое предсказание, сделанное Вишняком в 1923 г., вскоре сбылось.

Не ограничиваясь иллюстрацией правовой пустоты реформы нэпа, Вишняк подверг критике советское правосудие. Анализируя Положение о советском судоустройстве, он отмечал, что уже первая статья этого документа должна вызывать в юридическом сообществе сомнение, поскольку, провозглашая целью правовой системы «сохранение завоеваний пролетарской революции», она не растолковывает, что именно данная формула предполагает. Если под одним из таких завоеваний подразумевается нэп, то парадоксально официальное отношение к новому курсу как к «временному отступлению с коммунистического фронта». Следуя советской логике, раз нэп – отступление от пролетарских завоеваний, значит, правовой защите его инструменты и ценности подлежать не должны. Гражданский кодекс эпохи нэпа также показался Вишняку далеким от совершенства. Первая же статья, по его оценке, лишает смысла последующие 434 статьи и, соответственно, весь документ. В упомянутой статье все признанные нэпом гражданские права поставлены под условную охрану, а судьям надлежало рассматривать дела, руководствуясь не собственным видением объективной справедливости и законности, а их официальным пониманием. В результате судьи неизбежно становились инструментом в руках режима [5, с. 435]. Следовало учитывать, что в данный период, когда происходило становление новой, «социалистической» правовой системы, граница между «целесообразностью» и «законностью» была весьма подвижной. РСДРП(б) на всех этапах ее деятельности вообще свойственна была целерациональная тактика. «Воля к власти», как правило, подменяла собой нравственные императивы, что немало не вызывало угрызений совести у левых марксистов, признававших лишь классовую мораль (и то толкуемую весьма своеобразно). Примат властной воли распростра-

нялся и на правовую сферу, выхолащивая ее нормативно-ценностные установки. Подвижность социальной структуры, изменения условий жизни и вызываемое ими поведение граждан заставляли и власть, и судей постоянно пересматривать «классовые» критерии при вынесении наказаний. Эта уязвимость классового принципа вела не только к субъективизации судебных решений, но и в целом значительно затрудняла задачу правовой кодификации.

Заявление главного советского прокурора Н. В. Крыленко о том, что в целях защиты интересов трудящихся пролетарский суд готов «попирать права нетрудящихся и их объединений» не добавило Вишняку надежд на постепенное превращение советского государства в правовое, поскольку, по его оценке, откровенно декларировало обещание и впредь руководствоваться не принципами закона, истины и справедливости, а интересами и волей правящей партии, фактически подменившей собой государственный управленческий аппарат.

Вишняк, наблюдая за межфракционной борьбой, развернувшейся в 1920-е гг. в РКП(б), размышлял, у какой из группировок программа реалистичнее, и пришел к выводу, что утопичны они у всех: и у троцкистов, делавших ставку на мировую революцию, которой – в то время это было уже ясно – состояться никак не суждено; и у победивших «правых», собиравшихся реализовать модель «национального коммунизма» и показать тем самым пример Европе. Такую оценку Вишняк обосновывал неумением большевиков проводить политику с учетом конкретных условий места и времени, а также своих возможностей. Зато, подчеркивал эсер, советские правители упорно возводят на центральную позицию цель, догматичную, максималистичную и донельзя самоуверенную [6, с. 496]. К слову, сам Вишняк, как и большинство его товарищей по партии, считал, что жесткое целеполагание в политическом программировании крайне недальновидно: лишь в процессе движения становится ясно, насколько хороши и намеченная форма социального устройства, к которой направляется социум, и ресурсы, которые у него имеются. В таком случае есть возможность корректировать и цель и средства; большевики же всегда возводили «цель» в абсолют, поэтому их «средства» были крайне жестки и бесчеловечны.

Мысли о происходящем в Советской России и вне ее Вишняк имел возможность излагать в эмигрантской прессе, прежде всего – в журнале «Современные записки», издававшемся правыми эсерами в Париже. Это издание было очень популярно в эмигрантской среде и выходило в свет в течение 20 лет (1920 – 1940). Вишняк был одним из его редакторов и в течение ряда лет вел рубрику «На родине». «Современные записки» были ему дороги «общественно-политически, как средство обращения эмигрантского сознания... на пути демократии в целях преодоления большевиков и большевизма и защиты, пропаганды и разработки проблем демократии в соответствии с новыми потребностями жизни» [9, с. 299]. Ближе к середине 1930-х гг., когда журнал начал утрачивать острую политическую направленность, Вишняк стал постепенно отходить от редакторской работы. Впрочем, его публикационная активность несколько не уменьшилась: он печатался во множестве изданий общего и специального характера, выходивших на разных языках.

В 1930-е годы Вишняк не мог удержаться от искушения сравнивать два тоталитарных режима: советский и нацистской Германии. В обоих случаях диктатура класса (слоя, группы, этноса) подменялась диктатурой партаппарата – ВКП(б) и НСДАП соответственно. Оттеснение от власти неугодных, потенциальных конкурентов, очернение их в глазах общества – эти методы, применяемые обоими режимами, в равной мере способствовали скорому упразднению демократических учреждений и установлению «единой и единственной держательной власти» [8, с. 391].

В годы Второй мировой войны Вишняк, не смягчившись в отношении сталинского режима, отнюдь не желал поражения СССР. В равной степени он был и антифашистом, и антикоммунистом, но преступления нацизма и трагедия родной страны заставляла его, как и многих российских эмигрантов, сочувствовать именно последней, стоять на патриотических позициях. Вместе со своими товарищами по ПСР, остававшимися на тот момент в живых, он надеялся, что победа над другой страшной тоталитарной силой – нацизмом – послужит импульсом к демократизации государственного и общественного строя СССР [16, с. 138].

В 1940 г. Вишняк, спасая жизни свою и своей жены, вынужден был перебраться из оккупированной нацистами Франции в США. С конца 1943 до начала 1946 года, Вишняк преподавал русский язык в Корнельском и Колорадском университетах, публиковал работы правовой проблематики. Послевоенная жизнь Вишняка (он дожил до глубокой старости) – время синтеза в его мировоззрении демократического социализма и либеральных ценностей. Подобный идейный путь проделали и некоторые другие бывшие эсеры и меньшевики, пришедшие к выводу, что в связке «свобода – демократия – социализм» первое понятие является ключевым, а социализм при отсутствии свободы и демократии просто невозможен. После Второй мировой войны те российские эмигранты-социалисты, кто еще оставался в живых, трепетно относились к своей «цеховой» солидарности, и бывшие политические связи между ними зачастую трансформировались в приятельские и даже дружеские отношения. Продолжая интересоваться русской внешней и внутренней политикой, стареющие деятели русского Зарубежья все острее осознавали, что влиять на нее им уже не суждено. Тем не менее 18 марта 1952 г. 14 бывших эсеров и меньшевиков подписали совместный документ – Обращение, которое, по их замыслу, должно было инициировать создание единой социалистической партии, что сумеет действовать в России после ее освобождения от большевистского тоталитаризма [1, с. 217]. Однако идейная интеграция, увы, не могла компенсировать физических потерь, которых в русско-эмигрантской среде становилось все больше. После ухода из жизни ближайших друзей и соратников – В. М. Зензинова и И. Н. Коварского – Вишняк стал особенно остро ощущать духовное одиночество; политическая изолированность усугублялась и личной осиротелостью, наступившей после смерти жены и полученного из СССР известия о смерти отца. Тем не менее он продолжал работать – в журнале «Тайм», в русских печатных изданиях, выступал с речами и докладами, руководствуясь установленным для себя кредо: «*dum spiro scribo* (*пер. с лат.* – пока дышу, пишу)» [1, с. 223]. Завершение

работы Вишняка над последней книгой воспоминаний относится к концу 1960-х гг. Политиков своего и предшествующего поколений М. В. Вишняк назвал «великими неудачниками» и «защитниками проигрышных дел», которые на своем пути отличались верой, жертвенностью и бескорыстием, но так и не нашли ответов на вопросы, куда идут, для чего существуют и в чем смысл жизни [1, с. 263–264].

### Заключение

Вишняк М. В. был «классическим» представителем демократической среды России периода политической модернизации, а затем революционной эпохи. Разночинец по происхождению, получивший качественное образование и обладавший гражданским темпераментом, он с ранних лет активно включился в дело борьбы за права и свободы граждан, обновление государственной системы. В первой половине жизни он совмещал революционную и профессиональную деятельность, позже, в эмиграции, сосредоточил свои талант и энергию на редакционно-публицистическом и педагогическом поприщах. Подводя итог своей жизни в последних мемуарах, Вишняк называл себя человеком с устойчивыми идеалами и четким представлением о собственном статусе: политик и русский еврей [1, с. 263]. Он допускал, что постоянство его взглядов может стать удобным объектом для критиков из числа недоброжелателей, которые обвинят его в догматизме. Однако вынужденный покинуть родину после большевистского переворота Вишняк достаточно успешно адаптировался в культурной среде зарубежья, став настоящим посредником между носителями русской и западной культур. В послевоенные годы в своем политическом сознании Вишняк синтезировал базовые ценности либерализма и социализма. Способность сделать это указывает как на широту воззрений мыслителя, так и на общее следование универсальным идеям демократического социализма – течения, для которого идеи главенства права, свободы и демократии, ценности человеческой личности имеют непреходящую святость, а партийная принадлежность людей, защищающих эти идеалы, формальна и малосущественна.

И, конечно, следует отметить еще одну важнейшую миссию, выполненную Вишняком. Этот неутомимый общественный и политический деятель, проживший без малого век, не только старался способствовать межпоколенному диалогу и взаимопониманию демократов вне зависимости от их национальных корней, но и стал, благодаря оставленному им публицистическому и мемуарному наследию, связующим звеном между свидетелями и участниками ключевых событий российской истории первой четверти XX века и современными исследователями революционной эпохи.

### Список литературы

1. **Вишняк М. В.** Годы эмиграции (1919 – 1969). Paris – N.Y. – Stanford: Hoover univ., 1970. 276 с.
2. **Вишняк М. В.** Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. 404 с.
3. **Вишняк М. В.** Два пути – Февраль и Октябрь. Смысль Февраля. – Текст электрон. Париж: Изд-во «Современные записки», 1931. URL: <https://sd->

inform.org/upload/books/Political history/1917-1922/10 1917/DvaPuti .pdf (дата обращения: 29.05. 2022).

4. **Вишняк М. В.** На родине // Современные записки. 1920. Кн. 1. С. 205 – 231. URL: <https://emigrantika.imli.ru/news/664-bookiv> (дата обращения: 20.03.2023).

5. **Вишняк М. В.** На родине (быт и строй) // Современные записки. 1922. Кн. IX. С. 346 – 372. URL: <https://emigrantika.imli.ru/news/187-bookv> (дата обращения: 20.03.2023).

6. **Вишняк М. В.** На родине (от Утопии к Утопии) // Современные записки. 1926. № 27. С. 493 – 505.

7. **Вишняк М. В.** О диктатуре // Современные записки. 1929. № 39. С. 360 – 384.

8. **Вишняк М. В.** О «нео-большевизме» и «нео-социализме» // Современные записки. 1933. № 53. С. 386 – 411.

9. **Вишняк М. В.** «Современные записки». Воспоминания редактора. Блумингтон: Indiana University Publications, Graduate School, Slavic and East European Series, 1957. V. 7. 338 с. URL: [https://imwerden.de/pdf/vishnyak\\_sovremennye\\_zapiski\\_1957\\_text.pdf](https://imwerden.de/pdf/vishnyak_sovremennye_zapiski_1957_text.pdf) (дата обращения: 20.03.2023).

10. **Вишняк М. В.** Созыв и разгон Учредительного собрания. – Текст электрон. URL: <http://illuminats.ru/component/content/article/29-new/1969-convening-and-dispersal-of-the-constituent-assembly> (дата обращения: 15.05.2022).

11. **Вишняк М. В.** Черный год. Париж: Изд-во «Франко-русская печать», 1922. 299 с.

12. **Всероссийское Учредительное собрание:** Энциклопедия / автор-состав. Л. Г. Протасов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 555 с.

13. **Керенский А. Ф.** Россия в поворотный момент истории. М.: Центрполиграф, 2006. 524 с.

14. **Марков В. (Вишняк М. В.).** Личность в праве. СПб: Энергия, 1907. 60 с.

15. **Партия социалистов-революционеров.** Документы и материалы. В 3-х томах. Т. 1. 1900 – 1907. М.: РОССПЭН, 1996. 686 с.

16. **Протасова О. Л. М. В. Вишняк – выразитель идей российского демократического социализма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.** 2015. № 12(62). С. 136 – 139.

17. **Современные записки** (Париж, 1920 – 1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 952 с.

## References

1. **Vishnyak M.V.** *Gody emigratsii (1919-1969)* [Years of emigration (1919-1969)], Paris-N.Y.-Stanford: Hoover univ., 1970, 276 p. (In Russ.).

2. **Vishnyak M.V.** *Dan' proshlomu* [Tribute to the past], N.-Y.: Izdatel'stvo im. Chekhova, 1954, 404 p. (In Russ.).

3. **Vishnyak' M.V.** *Dva puti – Fevral' i Oktyabr'. Smysl' Fevralya* [Two ways - February and October. Meaning of February], Parizh: Izdatel'stvo "Sovremennyye zapiski", 1931. available at: <https://sd-inform.org/upload/books/Political history/1917-1922/10 1917/DvaPuti .pdf> (accessed 29 May 2022). (In Russ.).

4. **Vishnyak M.V.** [At home], *Sovremennyye zapiski* [Modern notes], 1920, book 1, pp. 205-231. available at: <https://emigrantika.imli.ru/news/664-bookiv> (accessed 20 March 2023). (In Russ.).

5. **Vishnyak M.V.** [At home (everyday life and system)], *Sovremennyye zapiski* [Modern notes], 1922, book IX, pp. 346-372. available at: <https://emigrantika.imli.ru/news/187-bookv> (accessed 20 March 2023). (In Russ.).

6. **Vishnyak M.V.** [At home (from Utopia to Utopia)], *Sovremennyye zapiski* [Modern notes], 1926, no. 27, pp. 493-505. (In Russ.).
7. **Vishnyak M.V.** [About dictatorship], *Sovremennyye zapiski* [Modern notes], 1929, no. 39, pp. 360-384. (In Russ.).
8. **Vishnyak M.V.** [About “neo-bolshevism” and “neo-socialism”], *Sovremennyye zapiski* [Modern notes], 1933, no. 53, pp. 386-411. (In Russ.).
9. **Vishnyak M.V.** “*Sovremennyye zapiski*”. *Vospominaniya redaktora* [“Sovremennyye Zapiski” Memoirs of the Editor], Blumington: Indiana University Publications, Graduate School, Slavic and East European Series, 1957, vol. 7. 338 p. available at: [https://imwerden.de/pdf/vishnyak\\_sovremennyye\\_zapiski\\_1957\\_text.pdf](https://imwerden.de/pdf/vishnyak_sovremennyye_zapiski_1957_text.pdf) (accessed 20 March 2023). (In Russ.).
10. **Vishnyak M.V.** *Sozyv i razgon Uchreditel'nogo sobraniya* [Convocation and dispersal of the Constituent Assembly], available at: <http://illuminats.ru/component/content/article/29-new/1969-convening-and-dispersal-of-the-constituent-assembly> (accessed 15 May 2022). (In Russ.).
11. **Vishnyak M.V.** *Chernyy god* [Black year], Parizh: Izdatel'stvo “Franko-russkaya pechat”, 1922, 299 p. (In Russ.).
12. **Protasov L.G.** *Vserossiyskoye Uchreditel'noye sobraniye: Entsiklopediya* [All-Russian Constituent Assembly: Encyclopedia], Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014, 555 p. (In Russ.).
13. **Kerenskiy A.F.** *Rossiya v povorotnyy moment istorii* [Russia at a turning point in history], Moscow: Tsentrpoligraf, 2006, 524 p. (In Russ.).
14. **Markov V. (Vishnyak M.V.)**. *Lichnost' v prave* [Personality in law], St. Petersburg: Energiya, 1907, 60 p. (In Russ.).
15. **Partiya sotsialistov-revolutsionerov. Dokumenty i materialy** [Party of Socialist Revolutionaries. Documents and materials], In 3 vols., vol. 1, 1900-1907, Moscow: ROSSPEN, 1996, 686 p. (In Russ.).
16. **Protasova O.L.** [M.V. Vishnyak - a spokesman for the ideas of Russian democratic socialism], *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 2015, no. 12(62), pp. 136-139. (In Russ., abstract in Eng.).
17. **Korostelev O., Shrubina M. (Eds.)**. *Sovremennyye zapiski (Parizh, 1920-1940). Iz arkhiva redaksii* [Modern notes (Paris, 1920-1940). From the editorial archive], Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2011, 952 p. (In Russ.).

## **M. V. Vishniak as a Lawyer and Politician**

**O. L. Protasova**, *Cand. Sci. (History), Associate Professor,*  
*Department of Theory and History of State and Law,*  
*Tambov State Technical University, Tambov, Russia;*  
*olia.protasowa2011@yandex.ru*

**E. V. Bikbaeva**, *Senior Lecturer,*  
*Department of Theory and History of State and Law,*  
*Tambov State Technical University, Tambov, Russia;*  
*kafedrapr@mail.ru*

*The main milestones in the biography of a prominent representative of the Socialist Revolutionary Party, professional lawyer, public figure and publicist M. V. Vishniak (1883 - 1976) are considered. The essence of his*

*views on the problem of personality in law is revealed. The main stages of his political path are analyzed from the position of one of the youngest activists of the Socialist Revolutionary Party to the unspoken status of the elder of the socialist community of the Russian diaspora. Vishniak's attitude to the issues of correlation of freedom, democracy and socialism is shown. Vishniak's characteristic of the Soviet state and its legal system is presented. The role of Vishniak as a consistent democratic propagandist, whose views organically fit into the trends of Western political culture of the second half of the 20th century, is revealed. It is concluded that Vishniak acted, in fact, not only as an intermediary between representatives of the Russian and foreign democratic environment, but also became, thanks to the journalistic and memoir legacy left by him, a connecting link between witnesses and participants in the key events of the Russian history of the first quarters of the 20th century and modern researchers of the revolutionary era.*

**Keywords:** M.V. Vishniak; personality; right; socialist revolutionaries; emigration.

© О. Л. Протасова, 2023

© Э. В. Бикбаева, 2023

*Статья поступила в редакцию 10.06.2022*

При цитировании использовать:

**Протасова О. Л., Бикбаева Э. В.** М. В. Вишняк – юрист и политик // *Право: история и современность*. 2023. Т. 7, № 1. С. 25 – 39. doi: 10.17277/pravo.2023.01. pp.025-039